
Глава 12.

1906 год

До войны с Японией у нас была там миссия с посланником во главе. После войны представительство потребовалось возвысить в ранге. Было учреждено посольство. Послом был назначен бывший мой начальник по службе в Министерстве иностранных дел Николай Андреевич Малевский-Малевиц¹. Незадолго перед тем он оставил пост директора Второго департамента (бывшего Департамента внутренних сношений) министерства по случаю назначения сенатором в Первый департамент Сената. В должности директора его заменил продвинутый им в свое время в вице-директоры после С. М. Горяинова Альфред Карлович Бентковский.

Как за мною по моем уходе из Министерства иностранных дел в 1902 г. было оставлено редактирование министерского «Сборника консульских донесений», так и за Малевским после его назначения в Сенат было оставлено руководство изданием «Сборника». Получился курьез. Руководство ведомственным изданием и его редактирование оказались порученными ушедшим из министерства, сделавшимся, в сущности, посторонними ему лицам. Если Малевский формально не потерял связи с ведомством, занесенный в списки лиц, состоявших в ведомстве, то у меня и такой формальной связи с министерством не осталось. Теперь Малевский уезжал в Японию. Руководить оттуда изданием «Сборника» он уже не мог. Правда, руководство сводилось к приглашению двух-трех чиновников министерства, а также меня раз пять-шесть в год на чашку чая к Н. А. Малевскому-Малевицу. Мы беседовали на всяческие злободневные темы. Потом я весьма кратко докладывал содержание материала, намеченного мною к напечатанию в очередном номере «Сборника». Доклад неизменно одобрялся. Мы допивали наш чай и мирно расходились. Все-таки считалось, что какое-то ответственное руководство изданием «Сборника» существует. Что будет теперь? Я опасался, что с отъездом Малевского, бывшего инициатором «Сборника», издание его прекратится, либо если и будет продолжаться, то редактирование его будет от меня отнято и передано другому лицу из числа служащих министерства. Связь моя с ведомством как-никак держалась в то время одним Малевским. А мне не хотелось расставаться со «Сборником». Я к нему привык, и при скромном окладе

содержания по основной должности в Государственной канцелярии вознаграждение за редактирование «Сборника» являлось для меня подспорьем далеко не маловажным. Однако все устроилось к лучшему. Малевский как-то вызвал меня к себе. «Уезжая в Японию, — сказал он мне, — я не остаюсь безразличным к судьбе моего детища, которым не без основания считаю наш “Сборник”. Мне хотелось бы, чтобы его издание продолжалось, и чтобы редактирование его не выходило из ваших рук. Мы вместе с вами создали это дело. И, я знаю, вы его ведете с любовью. Уеду я, отойдете от “Сборника” вы, и он захиреет. В министерстве некому им заниматься. Поэтому я уговорился с графом Владимиром Николаевичем (Ламздорфом), что вы будете продолжать редактировать “Сборник” и руководить его изданием. Выполнение всяких формальностей по этому делу поручается за особое вознаграждение чиновнику департамента Гибнеру. Вам предстоит только время от времени указывать ему, что надо сделать для “Сборника”, и изредка заходить к Бентковскому, который к вам очень расположен, чтобы держать его в курсе дела».

* * * * *

Малевский уехал. Сотрудничество с ним вне министерства после назначения его сенатором прервало мои деловые сношения по изданию «Сборника» с прежними моими сослуживцами по Второму департаменту. Теперь я эти сношения возобновил с директором А. К. Бентковским и вице-директором Владимиром Александровичем Березниковым, давним моим другом и земляком по Ярославлю. До назначения вице-директором В. А. проходил службу по консульской части. Вице-директором был назначен с должности генерального консула в Стокгольме. Мы часто виделись и друг у друга бывали.

* * * * *

С Н. Н. Покровским и его сотрудниками мы гнали вовсю работу по составлению проекта положения о подоходном налоге. Мы вели эту работу с таким расчетом, чтобы проект мог быть внесен правительством в Государственную думу тотчас по ее открытии, намечавшемся на май месяц. А ранее надо было еще провести проект через междуведомственную комиссию и через Совет министров.

В Государственном совете сессия была по нашему департаменту вялая и бледная. Интересных дел не попадалось. Старый Государственный совет умирал.

Помню последнее или предпоследнее заседание общего его собрания в бывшем круглом колонном зале Мариинского дворца, увековеченном на картине Репина, изображающей торжественное заседание Государственного совета по случаю его столетнего юбилея. Этот зал был впоследствии перестроен. Агонию старого совета символизировал его ветхий параличный председатель граф Сольский, введенный в зал и посаженный в председательское кресло двумя рослыми камер-лакеями. Члены Государственного совета, министры и присутствовавшие чиновники Государственной канцелярии были, как полагалось на общих собраниях совета, в мундирах. Выступал С. Ю. Витте. Это был последний раз, что

мне довелось его слушать. Выступал он по вопросу, касавшемуся одного из его творений — казенной винной монополии. Не помню, по какому поводу, но ему пришлось ее защищать. Доказывал он, по порядку прений, важное бюджетное значение этой меры, как будто предвидя запрет вина во время империалистической войны и появление такого неожиданного министра финансов, как Барк, взявшегося ликвидировать монополию, не продумав, чем ее реально заменить в бюджете². С. Ю. говорил, что всякий министр финансов, хоть сколько-нибудь сознающий свою ответственность за бюджет, очень и очень призадумается перед тем, как начнет ломать монополию.

* * * * *

Еще в начале года появились в газетах заметки, разоблачавшие в организовавшем манифестацию рабочих 9 января 1905 г. священнике Гапоне агента полиции и провокатора. После событий 9 января Гапон скрылся. В местечке Кейданах, близ которого было расположено имение Н. Н. Покровского, содержал извоз еврей Завируха. Помимо явного извозного промысла он тайно промышленлял контрабандою и переправлял через границу лиц, нуждавшихся в нелегальном ее переходе. Когда я был летом 1905 г. в Кейданах, возвращаясь к своим от Н. Н. Покровского, мне положительно утверждали, что Завируха переправил за границу скрывшегося после 9 января Гапона. Как впоследствии подтвердилось, с ведома ли, без ведома ли полиции, Гапон действительно скрылся за границу после этого ужасного дня. Теперь газеты сообщали, что Гапон вернулся в Петербург. И промелькнула заметка, будто по поручению Департамента полиции с ним ведет какие-то переговоры бывший директор этого департамента А. А. Лопухин. Последний был смещен с поста директора Департамента полиции после убийства великого князя Сергея Александровича и назначен, с понижением, эстляндским губернатором. Но и с этой должности он был уволен после октябрьских событий 1905 г. по настоянию нового министра внутренних дел П. Н. Дурново, инкриминировавшего Лопухину, помимо непротивления разгоревшимся в Ревеле с особою силою беспорядкам, освобождение им, по первому требованию революционеров, всех заключенных в тюрьмах. Теперь Лопухин опустился до роли агента Департамента полиции, ведущего переговоры с лицом, уличаемом в провокаторстве! С Гапоном дело повернулось быстро. В конце марта он был убит рабочими в Озерках.

* * * * *

В марте происходили выборы в Государственную думу. Только и было разговоров, что о политических партиях. Наибольшим успехом пользовались кадеты, которые и прошли в Думу со значительным численным перевесом над депутатами от других партий. Кадеты с примыкавшими к ним мирнообновленцами и «недрами» (партия демократических реформ)³ представляли собою ту оторванную от жизни, безнадежно завязшую в книжных теориях беспочвенную часть российской интеллигенции, которая почитала себя передовой. Социали-

сты бойкотировали Думу и прошли, в небольшом числе, в нее не от своих партий, а индивидуально, преимущественно в целях использовать думскую трибуну для социалистической пропаганды. Были правые. Были октябристы, положившие в основание своей программы манифест 17 октября, — партия по своему составу специфически буржуазная⁴. Октябристы по относительной их малочисленности в первой Думе не играли в ней сколько-нибудь заметной роли. Были еще небольшие национальные группы. И было много, очень много болтавшихся между партиями крестьян с вкрапленными в их массу батюшками. Составители закона о выборах в Государственную думу, присваивая в ней крестьянам едва ли не преобладающее положение, думали обеспечить этим короне наличие в Думе консервативного большинства. ^аКрестьянин^а мнился прожектерам выборного закона преданным и послушным царю и церкви, несмотря на причинявшиеся им верховной власти огорчения разгромом помещичьих усадеб. Между тем крестьянин достаточно убедительно доказал, что ему хочется прирезки земли, почему именно и стал громить помещиков, когда дрогнула ослабленная войною и революцией царская власть. Поэтому не очень трудно было предвидеть, что в Думе крестьянин пойдет за теми, кто пообещает ему землю, и что пообещают ее ему оппозиционные партии, которые поэтому и будут усилены в Думе всею или почти всею наличною массою крестьянства. Так оно и вышло. Лишь только кадеты поставили в Думе вопрос о земле, крестьянское большинство тотчас примкнуло к кадетам и стало и по другим вопросам поддерживать их. При слабости правых и численном ничтожестве умеренных Дума получилась ярко оппозиционная. Прожектеры просчитались. На крестьянина первым поставил ставку сочинитель несостоявшейся законосовещательной Думы, лишенный талантов Булыгин. Когда составлялся закон о законодательной Думе, сотрудники Вите использовали, между прочим, материалы булыгинской комиссии и преимущественно восприняли ставку Булыгина до известной степени, вероятно, совершенно механически. *Трудно допустить, чтобы последствия не были ясны государственному деятелю такого выдающегося ума, как С. Ю. Витте. Но нет ответа на вопрос, каковы были сокровенные мысли С. Ю. насчет ставки Булыгина*⁵. Неудачу ее прожектеры впоследствии пытались приписать тому обстоятельству, что, как оказалось, но ранее не приходило в голову никому, крестьяне шли в первую Думу вообще неохотно. Оторваться от дела, от земли представлялось крестьянину перспективою мало заманчивою. И в ту пору у него не было еще того стимула к этому, который явился лишь впоследствии в виде проведенного Столыпиным крупного депутатского оклада. Деревня будто бы выбирала поэтому во многих случаях и посылала в Думу наиболее беспокойные, досаждавшие ей элементы, преследуя этим главным образом ту цель, чтобы только как-нибудь от них избавиться. Так объяснили дело просчитавшиеся прожектеры. Они, однако, не учитывали, что мираж земли неминуемо сплотил бы в Думе с оппозиционными партиями и наименее беспокойную часть крестьянства.

Открытие Думы состоялось в начале мая приемом депутатов в Зимнем дворце⁶. Оттуда они отправились в предоставленный Думе великолепный Таврический дворец, *без опоздания, к сроку превосходно* переоборудованный для устройства в нем парламента. Заседание открыл *старейший* член Государствен-

^{а-а} Вписано вместо: «Загадочный “сеятель наш и хранитель”».

ного совета Эдуард Васильевич Фриш. Председателем Думы был тотчас избран кадет Муромцев, «юрист, общественный деятель». Говорили, выдающегося ума человек и столь же выдающихся государственных способностей. К стыду нашему, мы о нем раньше не слышали. Он начал с того, что грубо выгнал из зала заседания чиновников Государственной канцелярии, работавших по делам Думы еще ранее ее открытия и командированных для дальнейшего ее обслуживания за неимением еще у Думы собственной канцелярии. Дума начала жить и действовать. В нее вошли из лиц, обративших на себя внимание своими выступлениями с думской трибуны: от кадетов — Герценштейн, Винавер, Петрункевич, Родичев, кн<язь> Шаховской, от мирнообновленцев и «педров» — Кузьмин-Караваев, Максим Ковалевский, от октябристов — Гучков, Дмитрий Шипов, Стахович, из социалистов — Аладын. С кадетами прошел в Думу и кн<язь> Урусов, столь заинтересовавшийся Думою после его кратковременного бюрократического эксперимента в роли товарища министра внутренних дел. Прошел и бывший любимец В. К. Плеве в Государственной канцелярии, бывший камер-юнкер Владимир Дмитриевич Набоков. В ту пору он уже не был камер-юнкером, исключенный из придворных списков за какую-то маловажную, но признанную несовместною с придворным званием либеральную выходку. На это исключение он неумно ответил публикацией в «Новом времени» о продаже «за ненадобностью» камер-юнкерского мундира⁷.

Государственный совет был пополнен избравшимися в течение апреля выборными членами от академии, университетов, высшего духовенства, дворянства, торговых и промышленных объединений. Вошли в совет: академик кн<язь> Б. Голицын, профессора Таганцев, Grimm, кн<язь> Евгений Трубецкой, от торговли и промышленности — Крестовников, Авдаков и т. д., много дворян. *В числе их совершенно анекдотического типа от Ярославской губернии прошел упоминавшийся в приведенном выше очерке местных дворян-помещиков Митя Калачев; впоследствии был выбран в Государственный совет Я. А. Ушаков.*

* * * * *

Перед открытием Думы, считая свою миссию оконченною, подал в отставку С. Ю. Витте. Его отпустили. Председателем Совета министров был назначен И. Л. Горемыкин. Война была ликвидирована; революция временно преодолена. Назначением Горемыкина царь как бы подчеркивал, что с открытием вырванной от него революцией законодательной Думы он сворачивает на реакционный путь. И добро бы назначенный им новый глава правительства был только реакционером. Горемыкин был бездарен и отличался возмутительным *je m'en fiche*^aизмом⁸ ко всему, что бы могло случиться завтра, лишь бы сегодня он угодил «всемиловейшему» монарху, как он умилительно называл царя.

С Витте ушли почти все министры его кабинета. Остались лишь Редигер, Бирилев, Шванебах и, насколько помнится, Тимирязев, во всяком случае вскоре же, если не в тот же момент, замененный бывшим товарищем государственного контролера Дмитрием Александровичем Философовым⁹. Министром финансов

^a Мне наплевать (фр.).

был восстановлен В. Н. Коковцов. Назначены: министром иностранных дел — посланник в Копенгагене А. П. Извольский, внутренних дел — бывший ковенский губернский предводитель дворянства, потом саратовский губернатор П. А. Столыпин, юстиции — видный судебный деятель сенатор И. Г. Щегловитов, народного просвещения — сочувствовавший просвещению, но в делах его неискusstный придворный и чиновный балтиец П. М. Кауфман, путей сообщения — железнодорожный деятель с необыкновенно сложною фамилиею Шафгаузен-Шенберг-эк-Шауфус, главноуправляющим землеустройством и земледелием — реакционер, бывший товарищ министра внутренних дел при Плеве А. С. Стишинский, синодальным прокурором — тоже реакционер, вице-председатель Палестинского общества кн<язь> А. А. Ширинский-Шихматов. Управляющим делами Совета министров И. Л. Горемыкин, верный своему обычаю выдерживать стиль, провел Николая Вячеславовича Плеве, бывшего короткое время после ухода осенью 1905 г. из Государственной канцелярии управляющим Отделом сельскохозяйственной экономики и статистики ведомства земледелия.

* * * * *

У правительства Горемыкина или, вернее, у Горемыкина, в качестве председателя Совета министров назрел конфликт с Государственною думою с первых же ее шагов.

Рожденная революциею, Дума тактически не могла не проявить себя революционною, какова бы ни была идеология ее большинства. Это следовало понять и постараться все-таки найти какой-нибудь общий язык с Думою. Следовало, во всяком случае, попытаться сразу ввести дебаты Думы в деловое русло. А для этого следовало озаботиться заблаговременным внесением в Думу проектов хотя бы важнейших из обещанных реформ.

Между тем были внесены одни мелочи. И из мелочей едва ли не самою важною являлось испрошение ведомством народного просвещения кредита на устройство и содержание паровой прачечной при Юрьевском университете. Внесение подобных проектов первыми на рассмотрение впервые созданной Государственной думы было непросительным недосмотром правительства, хуже того — глупостью. Лучше было бы ничего не вносить¹⁰.

Дума оказалась поставленною в необходимость взять на себя разработку законодательных предположений, на что у нее не было ни аппарата, ни опыта. Ответила на тронную речь самого общего декларативного содержания адресом, содержавшим требования политических свобод, широкой амнистии, ответственного министерства, упразднения Государственного совета, отмены исключительных положений и сословных привилегий, передачи крестьянам кабинетских, монастырских и др<угих> земель, частичной экспроприации в пользу крестьян крупной частной земельной собственности¹¹. Вслед за тем Дума приступила к составлению соответствующих законопроектов, из них в первую очередь аграрного, об амнистии и об отмене смертной казни.

Ответ на адрес Государственной думы давал Горемыкин — в чуть ли не единственное свое посещение Думы, в сопровождении всего состава кабинета. Декларация его содержала отказ на все предъявленные Думою требования.

И, говорили, прочитана была Горемыкиным в вызывающе высокомерном тоне¹². Приведенная в негодование Государственная дума вотировала недоверие правительству, требуя отставки кабинета.

Горемыкин в дальнейшем стал на путь игнорирования Государственной думы, более ни разу не посетив ее и отговаривая от ее посещений и министров. Законопроекты крупного значения не вносились, хотя, несомненно, имелись в портфеле совета, как, например, наш проект подоходного налога, проведенный через междуведомственную комиссию еще при И. П. Шипове. Дума забросала правительство запросами. Давать ответы на них министры преимущественно посылали своих товарищей или других представителей ведомств. Из министров выступал сам в ту пору в Думе едва ли не один Столыпин, державшийся со спокойным достоинством, проявляя уважение к Думе, *без малейшего, однако, заискивания перед ней*, и давая ей ответы ясные и прямые.

Игнорирование Думы Горемыкиным и другими министрами его кабинета вызывало в Думе крайнее раздражение. Представители ведомств, дававшие ответы на запросы, провозжались зачастую оскорбительными замечаниями и выкриками. Страсти разгорались. На аграрные проекты Думы Горемыкин, порвавший непосредственные сношения с нею, отвечал через печать — отказом в принятии предлагавшихся Думою радикальных способов разрешения аграрного вопроса. Раздосадованная Дума обратилась через печать же с воззванием к народу, содержащим критику правительственного сообщения и отстаивавшим думскую точку зрения на аграрный вопрос.

Этот шаг первой Думы решил ее судьбу. Горемыкину удалось склонить царя к роспуску Думы. Она была распущена в начале июля после всего двухмесячного существования¹³.

* * * * *

Незадолго до роспуска Думы дворцовый комендант Трепов вошел в переговоры с кадетами об образовании кабинета из их среды. Представлялась непонятною инициатива в этом деле Трепова, завязанного реакционера, бывшего короткое время в 1905 г. генерал-губернатором в Петербурге, а ранее — обер-полицеймейстером и градоначальником в Москве¹⁴, служившего до того в Конном полку. Переговоры велись вначале настолько успешно, что кадеты уже распределяли между собою министерские портфели. Еще тогда предполагалось, что главный кадетский лидер П. Н. Милюков будет министром иностранных дел (Милюков, между прочим, не попал в первую Думу по отводу его правительством по какому-то формальному поводу¹⁵). Министрами называли и князя С. Д. Урусова и В. Д. Набокова. Одновременно, по почину Столыпина и Извольского, делались попытки образования коалиционного кабинета с участием общественных деятелей из числа членов Думы. Ни та, ни другая комбинация не удалась. Не знаю, за обсуждением которой из них я, как-то отдавая визит С. Д. Урусову, застал его в оживленной беседе с членом Государственного совета, бывшим министром земледелия А. С. Ермоловым. При моем появлении они прекратили разговор с весьма конспиративным видом. Этот их вид, дни, в которые происходил разговор, наконец, фамилии обоих, называвшиеся в связи со слухами о реформе кабинета, выдавали их секрет на-

столько красноречиво, что не приходилось сомневаться относительно темы разговора. Вопрос сводился лишь к тому, треповская или столыпинская комбинация обсуждалась. Склонен думать, без особой, однако, уверенности в том, что вторая. Первая не исключалась абсолютно потому, что хотя в целостно-кадетском кабинете Ермолову места как будто не находилось, но в разговоре о треповской комбинации он мог все-таки участвовать в качестве честного маклера, будучи видным членом умеренно-либеральной группы Государственного совета. В столыпинскую же комбинацию коалиционного кабинета Ермолов мог войти уже министрабельным лицом. Его эвентуально называли даже председателем коалиционного кабинета¹⁶. Вот и думается мне, по той эмоции, следы которой я обнаружил на лице Ермолова, прервав моим появлением его беседу с Урусовым, что он обсуждал вопрос отнюдь не в качестве посредника, что как будто бы не давало повода к эмоции, а как непосредственный участник комбинации. Я, вероятно, видел перед собою эвентуального премьера, сговаривающегося с одним из намечавшихся министров проектированного коалиционного кабинета. Но этот кабинет не состоялся. Общественные деятели отвергли коалиционный кабинет как таковой. Они требовали создания ответственного кабинета в составе исключительно представителей общественности. Кадетский кабинет, хотя портфели положительно уже распределялись кадетами между собою, не образовался потому, что, несмотря на всю кургузную предупредительность Трепова по отношению к кадетам, он в конце концов не смог добиться для них принятия всех поставленных ими условий. На компромисс они не пошли. «А счастье, — как впоследствии над ними иронизировали, — было так близко, так возможно!»

Какими побуждениями руководствовался Трепов, именно Трепов, этот ультра-реакционный жандарм, проводя Милюкова и его присных к власти? Он, должно быть, лучше, нежели другие его современники, раскусил кадетов, прозрел их книжную оторванность от жизни, политическую близорукость и никудышность, приведшие к жалкому провалу, когда они участвовали в держании власти в 1917 г. вместе с другими политическими импотентами и словоблудами. Соблазняя кадетов властью в 1906 г., Трепов определенно вел их к провалу. Мнилась капитуляция кадетов перед крайними, более действенными и темпераментными революционными течениями. А тогда создалась бы обстановка, последствием которой явилась бы идеологически и в личных целях Трепову желательная диктатура. Трепов, следовательно, определенно провоцировал кадетов¹⁷. Говорили, довести задуманную провокацию до конца помешал Трепову Столыпин.

* * * * *

Распустив Думу, царь одновременно освободил Горемыкина от премьерских тягот. Председателем Совета министров был назначен Столыпин с сохранением портфеля министра внутренних дел. Он настоял на удалении из кабинета представлявших ему наиболее неприемлемыми по чрезмерной реакционности взглядов главноуправляющего землеустройством и земледелием Стишинского и синодального обер-прокурора кн<язя> Ширинского-Шихматова. Они были заменены: первый — крупным помещиком, бывшим новгородским губернским предводителем дворянства кн<язем> Васильчиковым и второй — какими-то

судьбами пробравшимся перед тем в товарищи министра народного просвещения братом вновь назначенного министра иностранных дел Александра Петровича Извольского Петром Петровичем Извольским. Если Столыпин привлечением этих двух лиц в свой кабинет преследовал только ту цель, чтобы найти Стишинскому и кн<язю> Шихматову преемников, которые не были бы столь же неумеренно реакционны, как их предшественники, то цель эта была достигнута. Васильчиков и Извольский «сочувствовали» умеренным либералам. Но больше-то ничего не приходится сказать о них, кроме того разве, что Васильчиков обладал высоким ростом и представительною наружностью, а Извольский-младший был наружности неопределенной. Сидели они на министерских креслах незаметно и недолго и ушли без следа. Выбор Столыпина был средний. А что было упущением выше среднего, это что Столыпин оставил в кабинете *гаджого* Шванебаха.

Роспуск Думы повлек за собою ряд революционных выступлений и возобновление террористической деятельности. По почину кадетов члены распущенной Думы собрались в числе до двухсот человек в Выборге, где подписали известное «выборгское» воззвание к народу, обвинявшее правительство в уклонении от проведения обещанных реформ и в роспуске Думы из-за нежелания согласиться на проектированные ею аграрные мероприятия. Народ призывался к бойкоту власти, неплатежу податей и отказу от пополнения армии новобранцами¹⁸. Вслед за тем произошли восстания в Кронштадте и в Свеаборге. Произведено было покушение на Столыпина на отведенной ему казенной даче на Аптекарском острове, причем взрывом брошенных снарядов было убито и ранено до тридцати человек посетителей и состоявших при министерстве лиц¹⁹. Сам Столыпин и его семья, за исключением одной оказавшейся раненою его дочери, не пострадали. Вслед за тем один за другим были убиты: командир участвовавшего в подавлении московского восстания Семеновского полка генерал Мин, петербургский градоначальник фон дер Лауниц, главный военный прокурор Павлов, генерал Козлов, ошибочно принятый за генерала Трепова.

* * * * *

Еще в конце апреля я был назначен начальником отделения в Департамент окладных сборов, помещавшийся по Конногвардейскому бульвару на углу Замятина переулка в бывшем флигеле бывшего дворца великого князя Николая Николаевича (старшего), в ту пору занятого Ксенинским институтом. Это был один из самых больших департаментов министерств, едва ли не самый большой по многочисленности своего состава. Поэтому для заведования текущими делами в нем имелись три вице-директора, в то время как в других департаментах полагался один, много два.

Старшим из вице-директоров по времени назначения был Александр Александрович Вишняков, являвший пример самовлюбленности и самодовольства при отсутствии всяких к тому оснований. Мало того — при наличии данных, побуждавших относиться к нему со скорбным сожалением. Но таково было счастливое ослепление Вишнякова. Небольшого роста, плохо сложенный, веснушчатый, рыжий, с некрасивым асимметричным лицом, на котором в беспорядке были просверлены маленькие глазки, плохой рот и насажена вместо носа неболь-

шая аморфная картофелина, Вишняков был уверен, что он неотразим. Хвастался, что может «взять» любую женщину. И что меня особенно в нем огорчало, настолько это к нему не шло, вызываяще нагло носил на поросшей рыжим волосом веснушчатой руке массивный золотой браслет. Свои умственные и деловые качества Вишняков также переоценивал, считая их высокими и выдвигавшими его на *самые* видные посты. В действительности качества эти лишь с натяжкой можно было признать приближавшимися к средним. И очень был ленив. Карьеру строил на том, что вышел из Училища правоведения и ему ворожил его папа — сановник средней руки, но все-таки сановник. Умный и не злой в душе, другой вице-директор, из армян, почтеннейший Соломон Исаевич Тергукасов, говоря о Вишнякове, иначе его не называл, как «рыжий», произношением этого слова и сопутствовавшей мимикой вкладывая в него всю доступную Соломону Исаевичу экспрессию презрения. Сам Тергукасов был косою, в степени большей, нежели это вообще допустимо. Надо было долго привыкать к Тергукасову, чтобы не ощущать беспокойной неловкости в разговоре с ним, тщетно пытаясь встретиться с его взглядом. И еще был у бедного Соломона Исаевича один физический недостаток. У него были холодные и потные руки. Он этот недостаток сознавал. И перед тем, как поздороваться за руку, обтирал свою правую руку об обшлаг рукава левой руки. Но он был милый человек, благожелательный, простой и очень остроумный. Меткие его замечания и характеристики, тонкий добродушный юмор, неистощимый запас живо и образно передававшихся наблюдений делали желательною и приятною всякую встречу с Соломоном Исаевичем, всякую беседу с ним. В деловом отношении он был одним из лучших практиков и знатоков налогового дела. И еще: ведая вопросы личного состава, он, благодаря его превосходной памяти и счастливому свойству распознавать человека до тончайших извилин его души, в совершенстве знал до подноготной почти каждого управляющего казенной палатою, каждого начальника отделения, каждого податного инспектора на всем необъятном просторе прежней России. Поэтому в большинстве случаев он имел решающее влияние на назначения по налоговой части, давая заключения взвешенные и нелицеприятные.

Третий вице-директор, Осип Осипович Палечек, был, прежде всего, что называется, добрый малый, хороший, честный товарищ, всегда ровного, спокойного характера, весело улыбавшийся оскалом крепких белых зубов под густо нависшими хохлацкого типа усами. Он привлекал к себе добрым своим нравом, доступностью, простотою и скромностью. Был хорошим служакою, не только исполнительным, но и способным к инициативе. Происхождением был чех. Отец его, выходец из Чехии, имел в свое время видное положение на службе в императорских театрах. Родственными отношениями Осип Осипович был связан с бывшим товарищем государственного секретаря П. А. Харитоновым, ставшим после Шванебаха государственным контролером^а.

Из начальников отделений припоминаются почтенный, серьезный Михаил Николаевич Шарый, приветливый, дельный Алексей Николаевич Веснин, темпераментный, болтливый, вплотную наступавший в разговоре на собеседника и неприятно дышавший ему в лицо Петр Иванович Рудченко, вечно недоволь-

^а Ниже помещается не вошедший в окончательный текст отрывок воспоминаний (пять абзцев), приложенный к основной их рукописи.

ный и на всех обиженный, ибо, хотя лицеист, безнадежно застрял в начальниках отделения, Сергей Дмитриевич Михайлов, умный, остроумный, порою ядовитый, в существе прекрасный человек Владимир Осипович Шпаковский, знаток Устава о гербовом сборе, непонятного даже авторам его, прямодушный Густав Адрианович Филиппович, маленький, черненький как жук, грубоватый, но способный и хитрый хохол Григорий Митрофанович Курилло, утрированно изящный в манерах, хотя и мало изящной внешности правитель канцелярии департамента Владимир Яковлевич Загорский. Как он здоровался! Он не только сгибал полукольцом свою руку почти на уровне лица, но весь свертывался в дрожащую приветливостью спираль, изображая во взгляде и улыбке неопиcуемый восторг от встречи. Следуют другие, менее примечательные начальники отделений. Их всего было до двадцати. И еще податные ревизоры — институт, ревизовавший деятельность податных инспекторов. Благодатная была должность. Весною и летом ревизоры разъезжали от края до края великой страны, получая хорошие прогонные, от которых порядочно сберегали. А осенью и зимою, не спеша, не утомляясь, с прохладцею составляли отчеты о ревизии, изучали, уподобляясь бессмертному вояжеру Чичикову, колдовращение людей, преимущественно сосредотачиваясь на податных инспекторах. И благодушествовали. Из ревизоров помню очень видного и представительного, левантинского типа человека Павла Михайловича Кантакузина, князя Сперанского, приятного в обращении со всеми, за исключением податных инспекторов, с которыми, горя преувеличенным служебным рвением, П. М. был не всегда корректен. Помню умного, разностороннего и в беседе приятного и интересного Дмитрия Львовича Киреевского, не менее умного Константина Николаевича Нардова. Помню старого немца Андрея Андреевича Блау, с которым служил еще в первые мои служебные годы в Департаменте торговли и мануфактур. Блау был замечателен тем, что не умел объясняться ни на одном человеческом языке, издавая протяжные лающие звуки, не связывавшиеся ни в какое определенное понятие. Как он производил ревизии — мне так же непонятно, как все, что он только пытался когда-либо мне дать понять при наших встречах. Самым симпатичным ревизором был дельный, милый, большой души человек барон Николай Владимирович Тизенгаузен.

В отделении, начальником которого я был назначен, я застал столоначальниками двух Митрофанов: Митрофана Григорьевича Крониковского и Митрофана Петровича Волковинского. Крониковский, при ближайшем с ним знакомстве — хороший человек, был ходячим анахронизмом, от внешности до глубин внутреннего содержания. Был исполнителен, но узок, неспособен отойти от трафаретов, служивших ему тою печкою, от которой он танцевал. И тяжеловесною была редакция его громоздких бумаг, особенно громоздких — по жалобам, приносившимся в Сенат. Тем не менее, поскольку он составлял эти бумаги, и они, хотя и за соответствующими исправлениями, *иногда по существу и всегда в редакционном отношении*, скреплялись и подписывались начальствующими лицами, приобретаемая этим значение решения, Крониковский считал себя уже давно созревшим для высших должностей. Застряв в столоначальниках в возрасте свыше 50 лет, он не выходил из состояния хронической обиды за то, что его не назначают начальником отделения, ввиду им не сознаваемого, но за ним установленного отсутствия инициативы, необходимой для оригинальных работ, не поддававшихся трафарету. Все-таки он был, как упомянуто, хороший человек. И хотя мое назна-

чение со стороны, явившись для него новым обходом в повышении, возмутило его до глубины души, и он уже вперед воспылал ко мне негодующею ненавистью, тем не менее, ввиду того, что я понял его обиду и всячески старался сгладить ее остроту, отношения у меня с Крониковским сложились мирные, а погода приобрели даже характер взаимной приязни. За его трудолюбие, большой служебный опыт и честность я уважал Крониковского и мое уважение ему доказывал. Мое назначение я ему объяснил тем, что, как оно и было в действительности, я был приглашен для работ законодательного характера. Последние же требовали техники, усваивавшейся лишь работою в законодательном учреждении, из которого я и пришел. Если бы я не принял назначения, то было бы приглашено другое лицо из той же Государственной канцелярии, где я служил. Кем же либо из департаментского состава вакансия все равно не была бы замещена. Все-таки мне от души хотелось видеть Крониковского начальником отделения департамента. Но начальство было непреклонно. В конце концов (много было приложено усилий и затрачено времени), мне удалось вырвать согласие начальства на назначение Крониковского начальником отделения в казенную палату одной из самых радостно-солнечных южных наших губерний. Материально это назначение лучше его обеспечивало. К тому же жизнь в провинции, особенно на юге, была дешевле, нежели в Петербурге. Но Крониковский отказался. Не хотел расстаться с департаментом и, главное, со столицею. Таково было нелепое пристрастие к Петербургу людей, в нем обжившихся и свыкшихся с этим великолепным, но неприветливым и злым городом с отвратительнейшим в мире климатом. Добро бы за Петербург держались те, кому жилось в нем легко и без забот. Но нельзя было от него оторвать и тех, для которых столица была не матерью, а мачехою.

Митрофан Петрович Волковинский был современнее Крониковского, хотя также рутинер и танцор от печки. Но в нем было больше приспособляемости. Работник он был толковый и старательный.

Помощниками столоначальников были: Георгий Александрович Тулубьев, Александр Дмитриевич Мордухай-Болтовской, Александр Иванович Бенескриптов. Было еще несколько причисленных, являвшихся кандидатами для занятия штатных должностей, и двое-трое *нижнего разряда* канцелярских чиновников.

Родители Тулубьева любили принимать. Отец его некогда служил в канцелярии бывшего Комитета министров и, сохранив связи с бывшими сослуживцами, не только сверстниками, но и более молодыми, широко открыл им свои двери. Посещать Тулубьевых в собственном их доме в Дмитровском переулке бывало приятно. Кормили хорошо. А хозяйка дома, умная и всегда веселая, обставляла свои приемы таким непринужденным оживлением, что развязывала языки самым сдержанным и застенчивым посетителям. Завсегдаем был «друг дома», бывший помощник управляющего делами Комитета сенатор Брянчанинов. Из более «молодых» бывали бывшие в свое время начальниками отделений Комитета Н. Н. Покровский, Н. Л. Петерсон, князь С. В. Гагарин, князь Чегодаев, брат моего приятеля из дипломатического ведомства В. А. Березникова Алексей Александрович Березников и другие. Бывали не только комитетчики. Замкнутого кружка не было. Попал к Тулубьевым и я, по приглашению и просьбе моего молодого сослуживца познакомившись с его родителями.

В поисках новых источников государственных доходов мы остановились, между прочим, на мысли привлечь к налогу с недвижимых имуществ строения в дачных

местностях и наиболее крупных поселениях, не имеющих городского устройства. До того облагались этим налогом недвижимости только в городах, посадах и местечках. Составление проекта соответствующего законоположения было поручено мне. Сообразить его в практическом отношении мне хотелось с практиками налогового дела — податными инспекторами города Петербурга и его окрестностей. Для этого я завязал сношения с Петербургскою казенною палатою. Познакомился с бывшим в то время управляющим палатою почтеннейшим Н. Н. Васильевым, отнесшимся ко мне исключительно внимательно и предупредительно и устроившим мне ряд беседований, при личном его участии, с податными инспекторами и из бывших инспекторов с начальниками отделений палаты. Наиболее ценные сведения я получил из бесед с инспекторами: Михаилом Ивановичем Степановым, Андреем Андреевичем Макаровым и ставшим впоследствии, в иные времена, в иной обстановке, близким моим другом, умным, очень образованным и культурным, прекрасным человеком Максимилианом Петровичем Васильевым.

С управляющим Петербургскою палатою Н. Н. Васильевым и петербургскими податными инспекторами мне приходилось встречаться и впоследствии по ряду возникавших дел за время моей службы в Департаменте окладных сборов. Об этих встречах я храню наилучшие воспоминания. Личный состав податной инспекции, представленный почти полностью, за редкими исключениями, лицами с высшим образованием, был повсеместно превосходный, даже на окраинах, куда люди отправлялись вообще неохотно, и было неосмотрительно принято, особенно по другим ведомствам, «спускать для исправления» худшие элементы. Налоговое дело настолько тонкое, требует такой гибкости, широты взгляда, проницательности и такта, что его невозможно вверить людям недостаточно развитого интеллекта. Это было хорошо понято финансовым ведомством, и в результате институт податных инспекторов, благодаря соответствующему подбору, стоял высоко и внушал к себе вполне заслуженное уважение.

* * * * *

На очередь была поставлена и разрабатывавшаяся до моего поступления в Департаменте окладных сборов реформа налога с городских недвижимых имуществ. В империи, кроме губерний Царства Польского, налог этот был раскладочный, изчислявшегося по бюджету контингента. В губерниях Царства Польского налог был окладной. Имелось в виду распространить на всю империю порядок его взимания, установленный для польских губерний, ввиду как большего совершенства окладной системы, так и более ощутительных финансовых ее результатов²⁰. И по этому налогу пришлось совещаться с практиками налогового дела — петербургскими податными инспекторами, а то и с приезжавшими провинциальными деятелями по налоговой части — управляющими казенными палатами и инспекторами. В ту пору пришлось мне встретиться и вместе поработать с управляющими: Киевскою палатою — Ласточкиным, Ярославскою — Ивероновым, Одесскою — Стрекаловым. Это были лучшие управляющие. Кроме них, были в финансовом ведомстве в чести управляющие: Петербургскою палатою — почтеннейший Н. Н. Васильев, Московскою — Урсати, Курскою — мой двоюродный брат Иван Николаевич Протасьев, назначенный в эту палату после рассказирования на-

местничества на Дальнем Востоке, при котором состоял комиссаром по финансовой части, далее управляющий *Тифлисскою палатою Джунковский*, Варшавскою палатою — очень милый, более милый, чем деловой, старый камергер Манжос, наконец, сменивший впоследствии в Москве Урсати брат своего брата Павел Николаевич Кутлер. Этот был в чести не сам по себе, как человек на самом деле совершенно посредственный, а благодаря фирме своего брата. «Блистал» Николай Николаевич, а Павел Николаевич лишь отражал его блеск. Братья физически были похожи друг на друга. Та же обильная, дико растущая спутанная шевелюра, заставлявшая, глядя на братьев, тосковать о парикмахере, тот же насупленный взгляд из-под очков, та же кряжистая, тяжелая фигура. Но физической стороною сходство братьев и ограничивалось. По таланту Павел Николаевич был Павел Николаевич, а не Николай Николаевич. Был еще молодой управляющий палатою одной из центральных губерний, получивший не по возрасту рано эту должность, по дамской протекции, Николай Алексеевич Маклаков²¹. Но его всерьез не принимали. Не думалось, что он будет вскоре вознесен сквернейшего тона капризом судьбы на пост министра внутренних дел империи.

* * * * *

Летом я уехал в отпуск. И в отпуску прочел в газетах о назначении Николая Николаевича Покровского товарищем министра финансов²².

На должность директора Департамента окладных сборов Коковцов провел «рыжего» — Вишнякова — по старшинству по линии вице-директоров. Наметив для этого назначения Вишнякова, Коковцов все-таки предварительно спросил мнение Покровского, предупреждая его, что общее руководство деятельностью департамента останется за ним, Покровским. Покровский, превращавший всегда по его громадному трудолюбию всякое руководство в непосредственную личную работу, рассудил, что она не умалится, кто бы ни был назначен директором. И, не желая перечить властолюбивому министру с достаточно неприятным характером, заявил, что против назначения Вишнякова возражений не находит. Этого никогда не мог ему простить несомненно в большей степени подходивший к назначению директором почтенный Соломон Исаевич Тергукасов.

«Рыжий», получив крупный оклад директора, завел одноконный выезд и стал на нем ежедневно катать на острова, непринужденно развалиясь на мягких подушках пролетки и заложив ногу на ногу.

Николай Николаевич никогда никакого выезда не имел. С назначением товарищем министра, как это ни было нелепо, изрядно потерял на окладе. Изредка и я с Николаем Николаевичем, желая сами подышать свежим воздухом островов после удушливой городской пыли, скромно трусили на Стрелку на плохоньком извозчике. Вишняков нас обгонял и, раскланиваясь, кривил снисходительную улыбку.

* * * * *

Между Россией и Германиею пробежала черная кошка. Германия проявляла крайнее раздражение по отношению к нам. Германская пресса разразилась резки-

ми нападками против России. Германские банки отказались участвовать в подписке на заключавшийся нами заем²³. Мы пытались такое настроение Германии объяснить себе тем, что неожиданно быстро для нас самих стали оправляться в экономическом отношении от последствий войны и революции. Немцы, рассчитывавшие на длительное наше ослабление от перенесенных потрясений, на котором Германии можно было бы спекулировать, не могли будто бы простить нам слишком скорого восстановления наших экономических сил. Отчасти раздражение Германии объяснялось и явно демонстративным поддержанием нами французских притязаний на Алжезирасской конференции по мароккскому вопросу²⁴. Но степень раздражения Германии свидетельствовала о наличии более веского повода к ее недовольству нами. Лишь через несколько лет стала известной широкой общественности истинная причина нашего разлада с Германией. Летом 1905 г. Вильгельм II при встрече с Николаем II на морских путях к Биорке склонил царя подписать оборонительный союз с Германией с тем, чтобы Россия постаралась вслед за тем вовлечь в этот союз Францию. Царь это соглашение подписал²⁵. Некоторое время таил его от ^аЛамздорфа. Когда же пришлось открыться, Ламздорф стал горячо убеждать царя отказаться от Биоркского договора. Вовлечь к участию в нем Францию ни под каким видом не представлялось, по уверению министра, возможным. Без этого же условия оставление договора в силе знаменовало собою аннулирование франко-русского союза. Что же касается этого последнего, то министр сумел настоять на признании его паки и паки не подлежащему пересмотру незыблемую основой нашей политики. Выслушав аргументы своего министра, только что перед тем уступивший убедительности противоположных доводов императора Вильгельма, царь поручил Ламздорфу всеми доступными последнему наискуснейшими дипломатическими способами аннулировать Биоркский договор. Что и было сделано. Но не соответствующую откровенною декларациею, а демонстративным игнорированием договора. Ламздорф решил постепенно свести его на нет, начав с усиленного поддержания интересов Франции против германских притязаний в Алжезирасе. Тактика России была, конечно, тотчас разгадана в Германии. Отсюда и гнев Германии на Россию, кампания, поднятая против последней в германской печати, с умалчением, однако, об истинной причине германского гнева.

* * * * *

Ламздорфа сменил Извольский — надменно самоуверенный, хлыщеватый министр с неизбежным моноклем в мигающем глазу и позою сгибающего плечи под бременем ответственности усталого сноба. Извольский продолжал охранять незыблемость франко-русского союза. При нем Россия вовлеклась Франциею в сближение с Англиею. Образовался противопоставленный Тройственному союзу сильный блок²⁶. Роль Извольского в создании Тройственного согласия была, однако, совершенно пассивная. Какой-либо инициативы он в этом отношении отнюдь не проявил. Уносился течением. Но делал вид и сам силился думать и верить, что творит какую-то свою самостоятельную политику. В воспоминаниях своих уверяет, будто на эту его политику получил благословение наиболее

авторитетных наших послов: в Париже^а А. И. Нелидова, в Риме Н. В. Муравьева и в Лондоне графа А. К. Бенкендорфа²⁷.

^аЕсли эти авторитетные послы и благословили на франко-английскую ориентацию Извольского, то ведь следует иметь в виду, что ничего другого им не оставалось делать. С Биорке было покончено и возврата к нему не было: настолько убедительно мы доказали Германии, что верить нам нельзя. А оставаться одинокими было страшновато, в особенности после отказа от Биорке, решительно восстановившего против нас Германию.

Однако имелись весьма опытные, почтенные русские дипломаты, которые, не сочувствуя не то что англо-французской, но и только французской ориентации, считали, что с окончанием японской войны наступило для нас время пересмотреть наши союзнические отношения²⁸.

Действительно, Франция себя повела по отношению к нам в эту войну не совсем по-дружески. В то время как Англия, несмотря на нейтралитет, не стеснялась снабжать Японию всем необходимым военным снаряжением, Франция нам ни в чем не оказала ни малейшей помощи, кроме совершенно формального содействия к улажению с Англией Гулььского инцидента, когда эскадра адмирала Рожественского при проходе через Северное море, приняв за японцев, стреляла в английских рыбаков²⁹. Мало того, придерживаясь строжайшего нейтралитета, Франция всячески выпроваживала нашу эскадру из мадагаскарских вод, куда в изнеможении от беспримерно долгого безостановочного перехода наши суда зашли передохнуть и оправиться перед ожидавшими их ужасами Цусимы. Сблизившись, с другой стороны, с нашим извечным врагом — Англией, только перед тем поднявшею и вооружившею против нас Японию, Франция вместе с Англией повела враждебную нам политику на Балканах. А когда по случаю войны мы искали у Франции займа, она отказала нам в нем, не доверяя России из-за возникшего у нас революционного движения³⁰.

В то же время Германия, выговорив себе от нас хотя и нелегкие, но все-таки переносные уступки в торговом договоре³¹, обеспечила нам на все время войны полнейшее спокойствие на нашей западной границе и, невзирая на нейтралитет, оказала нам существеннейшую поддержку услугами своего торгового флота.

Вот наши не сочувствовавшие французской ориентации дипломаты и задались по окончании войны вопросом: а не пора ли нам, покончив с показавшею, чего она стоит, дружбою с Францией, вернуться к стародавним добрососедским отношениям с Германиею и по возможности углубить их.

Сторонники незыблемости франко-русского союза (а этих лиц, послушных благовоззрению власти, было среди дипломатов большинство) возражали, утверждая, что Германия стремится к гегемонии в Европе. Вступив в союз с Германиею, мы будем ею поработены. Станем в подчиненное положение, утратив наше великодержавие. С другой стороны, если бы мы, тем не менее, захотели порвать с Францией, то мы бы этого сделать не могли из-за значительной нашей задолженности нашему союзнику.

Но германофилы не дали убедить себя этими доводами. Они находили, что такую страну, как Россия, даже сильнейшей державе не так-то легко себе подчинить. Великодержавие при нас останется. Пока что не так-то уж обезличены Германиею

^{а-а} Текст написан от руки синими чернилами.

и ей подчинены даже нынешние ее союзники — Австро-Венгрия и Италия. Если говорить о гегемонии, то союз наш с Францией, обозначая, после ее сближения с Англией, войну с Тройственным союзом, выдвигает в случае разгрома Германии скорее французскую гегемонию на континенте, нежели нашу, поскольку после русско-японской войны престиж наш значительно упал. А что было бы для нас лучше: французская или германская гегемония — это еще большой вопрос. Что же касается нашей задолженности Франции, то следует иметь в виду, что неминуемое при сохранении нашего союза с Францией, после сближения ее с Англией, военное столкновение наше с Германиею, представляющеюся первостепенною военною державою, связывается для нас, несмотря ни на какие военные союзы, со столь громадным риском, что для избежания его мы не должны останавливаться ни перед чем, пойти на какие угодно финансовые компромиссы. Частично задолженность нашу Франции в случае нашего союза с Германиею, вероятно, покроет на едва ли не более легких условиях Германия. На остальное надо ответить умелым проведением соответствующих кредитных операций и широким, как это ни нежелательно, предоставлением концессий иностранному капиталу. Но, может быть, этого и не понадобилось бы. Не так давно искали помещения у нас своих капиталов Северо-Американские Соединенные Штаты. Говорили, ими ставились условием отмена в России ограничений, действовавших по отношению к евреям. Но пойти на эту меру было бы пора даже и в том случае, если бы не заходила речь о предотвращении опасности угрожающего неисчислимыми бедствиями военного столкновения. Тем более, в этих видах следовало бы покончить с отсталыми и лишь углубляющими смуту в России еврейскими ограничениями. Так или иначе, задолженность наша Франции не является препятствием, непреодолимым для изменения нами нашей внешней политической ориентации.

Когда сторонники ставки на Германию осведомились о заключении и поспешном вслед же за тем аннулировании нами Биоркского договора, они, поскорбев, высказали убеждение, что царь стократ был прав, подписывая этот договор, и непоправимо, самоубийственно ошибся, согласившись на отказ от договора^а.

* * * * *

Столыпинский кабинет усиленно занялся подготовкою законопроектов для внесения в Государственную думу предстоявшего второго созыва. До созыва же Думы в порядке указа была проведена аграрная реформа, преследовавшая цель открепления крестьян от общины и насаждения крестьянской мелкой частной земельной собственности. Впоследствии, в 1910 г., Государственная дума третьего созыва вотировала подтверждение указа об этой реформе, после чего он получил силу закона³².

В 1906 г. заговорили о Распутине. Он пристроился ко двору с конца 1905 г., приведенный «августейшими» черногорками Анастасиею и Милицею Николаевнами.

^{а-а} Текст написан от руки черными чернилами, с отдельными поправками синими чернилами.